

Новые Книжки, новые имена

ВСЯКИЙ ЛИ ГРЕХ ИСКУПАЕМ?

Шло преобразование Восточной Европы. Мы приникали к телеэкранам, веря и не веря собственным глазам, следили, как, барак за барак, рушится социалистический лагерь, нами же возведенный взамен гитлеровских концлагерей. Связанные общей целью, мы все знали о людях этих стран, нам не нужно было объяснять логику их революций — ни «нежных», ни кровавых. Мы только не знали тогда, что будет дальше, и трепетали при воспоминании о том, с какой легкостью пресекаются революции: 1953 год, 1956 год, 1968 год, 1981 год...

Но шел 1989-й.

Весь мир, веря и не веря, следил за тем, как переворачивается страница истории.

Париж готовится к Рождеству. В доме, уютно расположившемся в одном из ухоженных буржуазных кварталов, сидят перед телевизором люди с неспящими, встревоженными лицами — лидеры мирового пролетариата, а точнее, руководители одной из троцкистских групп, одной из множества, на которые рассыпалось движение. Они собрались, чтобы обсудить события в Восточной Европе и выработать линию поведения в этой непредвиденной ситуации, когда рабочий класс выступил против бюрократии — как предсказывал Троцкий, — но потом взялся за реставрацию капитализма, вместо того чтобы возродить истинный марксизм.

Лидеры, герои романа Тарика Али «Искупление грехов»¹, в свете чрезвычайной важности момента, готовы даже забыть разногласия с другими лидерами и действовать совместно, «возглавив процессы, начавшиеся в Восточной Европе, ибо без этого троцкизм погибнет, а если он погибнет, человечество может проститься с мечтой о мировой революции». Будет созван Конгресс, открытый для всех: пусть соберутся представители враждующих фракций

(десятки раз исключавшие друг друга из партии за ревизионизм, сектанство и уклонизмы), чтобы обсудить новую стратегию и тактику борьбы.

Прежде чем продолжить рассказ о романе, необходимо рассказать о его авторе — это добавит достоверности описываемой им среде.

Тарик Али родился в 1943 году в Пакистане в родовитой и богатой семье правых коммунистов. Учиться его отправили, естественно, в Оксфордский университет, где он делил время между изучением истории и занятиями политикой. Избирался президентом знаменитого Оксфорд-юнион, Студенческого союза, входил в марксистские кружки различного толка, сторонясь лишь коммунистических. В бурные 60-е, когда молодым бунтарям казалось, что мощное антивоенное движение в Америке, демонстрации на улицах европейских столиц, баррикады в Париже вот-вот распахнут врата веселой и юной революции, Тарик Али сделался заметной фигурой и в студенческих волнениях, и в «4-м Интернационале». В 1987 году он опубликовал книгу «Годы уличных схваток, автобиография шестидесятых», посвященную Эрнесту Манделю, одному из организаторов «4-го Интернационала». В ней Тарик Али рассказал и о том, почему он порвал с троцкизмом: убедился, что, чем бы ни был троцкизм в прошлом, даже второе дыхание 60-х не спасло его от вырождения в набор левых догм, никакого отношения к реальной жизни не имеющих. Последняя глава книги называется «Еретики и ренегаты» — себя он относит к первым, поскольку он не от левых взглядов отказался, но позволил себе иметь собственное суждение о том, что происходит в мире.

«Искупление грехов» написано не ренегатом — Тарик Али не возненавидел свое юношеское революционерство, просто перерос его инфантильную одномерность. В отличие от поколения Кэстлера, Жида, Силоне, Спендера, которых мучительное крушение идеалов толкнуло в яростный антикоммунизм, левая интеллигенция нашего времени, даже разочаровавшись, как Режи Дебре, прощалась с прошлым насмешливо.

¹ Tariq Ali. Redemption. London, Chatto & Windus, 1990.

Другая эпоха: то поколение в бессильном ужасе наблюдало торжество сталинизма, а это стало свидетелем краха тоталитарных режимов. Вот и роман — ирония и сарказм не до конца заглушают нотки сожаления по тем, кто искренне уверовал в сказку, которую можно сделать былью, а заодно и в то, что ради этого любые средства хороши.

Все мы, простой случайностью рождения ставшие объектами «величайшего эксперимента», какой когда бы то ни было ставился на массе людей, мы все, на своей шкуре познавшие — и кажется, еще не сполна, — что значит быть сказкой, мы должны сделать умственное усилие, чтобы вспомнить: да, эта сказка обладает убийственной притягательной силой. Особенно на расстоянии. Разве удалось бы большевикам вернуть полмира, будь это иначе?

Главный герой, семидесятилетний Эзра Эйнштейн, еще подростком, сжигаемый жаждой справедливости, вступил в борьбу за угнетенных. Он пережил ад фашистской Германии, чудом бежал из концлагеря, он терял друзей — одни были замучены в застенках гестапо, другие в застенках НКВД, он знал нужду, лишения, скитания, но не утратил веры. Человек добрый и мягкий по природе, он взрастил в себе непримиримость к врагам веры, величайшей Идеи, в конечном торжестве которой он не сомневался. И чем более петливый путь к этому торжеству избирала история, тем все более неопровержимые аргументы правоты Идеи давала она Эзре. «Он сочетал в себе неистовость ветхозаветных пророков с недостатками апостолов Нового Завета».

Борьба закалила его. Он выходил победителем из любых внутрипартийных схваток, он молодец душой, сражаясь против малOVERов и оппортунистов всех мастей, он знал ответ на любой вопрос. «Нехватка воды в Индии? Голод в Африке? Обезлесение Бразилии? Очистные сооружения в Замбии? Очереди за продуктами в Москве? Радиационные последствия Чернобыля? Автоматизация конвейера «Вольво» в Гётеборге? Женское движение в Японии? Ему казалось, что он мог бы решить любую из этих и других проблем.

Все же просто. Нужна добрая воля плюс рабочее самоуправление, естественно, в глобальном контексте Всемирной федерации социалистических республик под управлением Советов рабочих, члены которых подлежат отзыву по первому требованию избирателей. Создание спутникового телевидения открыло возможность при необходимости проводить всемирные опросы общественного мнения: рабочих — без отрыва от производства, крестьян — без отрыва от полевых работ. Эзра был убежденным сторонником использования достижений Третьей индустриальной революции, новой технологии и электроники, для выработки новых форм массовой демократии».

Эзра женат на молодой красавице — бразильянке Майе, которая нежно любит чудаковатого мужа, но мало вникает в его теории, интуитивно ощущая их нежизненность. Майя живет в восхитительной гармонии с жизнью, приемля все ее несовершенство. Майя — католичка, но верует она не столько в страждущего Христа, сколько в упоенную материнством богородицу. Майя

и сама становится матерью. Маленькая Хо Эйнштейн появляется на свет в самый день открытия Конгресса. Эзре, неожиданно увидевшему контражуром в дверном проеме Майю с новорожденной на руках, почудился венчик вокруг младенческой головки... Может быть, и не случайно, но об этом речь впереди.

А пока — готовится Конгресс. Вопреки священной партийной практике, на сей раз будущие делегаты не получают для предварительного обсуждения тезисы основного доклада — запланирована свободная дискуссия. Эзра сообщает только одно: партия уверена, что при условии выработки правильной стратегии и тактики у нее есть реальная возможность возглавить мировую революцию, которая сейчас достижима, не жели в двадцатые, в сороковые или в шестидесятые. Троцкизм на пороге небывалых побед — или страшного поражения.

Весть о Конгрессе привела в смятение весь троцкистский калейдоскоп: осколки и осколочки движения спешно перестраивали ряды, спешно образовывали новые конфигурации, рассыпали их, пересоставляли заново. Бешено работали телефоны, телефаксы и телексы — нужно было немедленно выяснить, что затевается, кто стоит за чем и за кем, что кроется за приглашением недружественных фракций, припоминались и тут же забывались старые дрязги, вспыхивали новые.

Тарик Али не зря проработал столько лет на телевидении: так и кажется, будто видишь — операторы ведут съемку с разных точек, на мониторах тут же появляются хроникальные кадры, то крупный план, то панорама, то удачно схваченный портрет. Все быстрее и быстрее движется эта круговерть, мелькают лица, города, факты, последние известия, цитаты, подлинные, вымышленные, спародированные, но всегда узнаваемые.

Узнаваемость. Не могу судить о том, как читался роман в других местах, но читаемый в Москве, он приобретает отчетливый второй план, который постепенно начинает довлеть над авторским замыслом. Какие троцкисты? Причем тут троцкисты? Это мы сами в зеркальце их нереализованного потенциала. Тут и не поймешь, кто перед зеркалом, кто в зазеркалье. А вдруг в зазеркалье мы — злобная мощь их материализовавшихся мечтаний, сама уничтожающая себя? А возможно, в зазеркалье они — миниатюрная пародия на ирреальность наших затей? Одинаковая аморальность — не отвержение морали, а отсутствие морали как таковой, одинаковая борьба за власть, с разницей в масштабах власти...

Все эти заседания разнообразных политбюро в Париже, Риме, Лондоне, Мехико, Нью-Йорке, на которых вопрос о том, что нельзя допустить, чтобы трудящиеся массы Восточной Европы и Советского Союза поступились принципами социализма, пусть даже подвергшимися искажениям в период сталинизма, рассматривается вместе с текущими оргвопросами: исключениями из партии за чтение «Московских новостей», порицаниями за отступление от пролетарской морали, борьбой за назначения на ответственные посты — после победы револю-

ции, конечно, — смеяться над этим или плакать?

А язык, язык, терминология, тот сильный лексикон классовой борьбы, лексикон парт-аппарата! Такой привычный для нас, он, донесясь с широт, ему несвойственных, наполненный обертонами иных реалий, капиталистической действительности и «их» нравов, приобретает какое-то особое зловеще-пародийное звучание.

Но все-таки кто они, эти современные троцкисты? Что за люди составляют эти крохотные группки и группочки, выкроившие для себя отдельную реальность и воюющие в ней и за нее? Повторяю, Тарик Али изнутри знает описываемую среду. Излишне даже говорить, что никакого пролетариата в этой среде нет, — чем может привлечь троцкизм современного рабочего, уж не говоря о том, что неясно, кого сегодня называть пролетарием — без добавки «люмпен». Мало и молодежи, поэтому лидеры фракций усиленно переманивают к себе каждого начинающего революционера.

«Это молодые отпрыски среднего класса, люди с мазохистскими наклонностями и комплексом вины, — безжалостно аттестует их автор. — Тот же психологический тип, что и последователи всевозможных мистиков, индийских гуру и т. д. Разница только в выборе идеологии. Как правило, они довольно быстро прозревают и уходят из движения. Впрочем, не все». У тех, кто остается, через некоторое время развивается сильный «синдром власти кресла, — начисто лишённые реального влияния в реальном мире, они изобретают себе мир собственный, где кресло становится символом власти».

Среди них попадаются и птицы дивного пера — богатая оперная певица, воображение которой дразнит революционные фантазии на театральный лад, благополучивший университетский профессор, в свободное время играющий в игры своей юности, парочка великосветских феминисток.

Во главе — старые лидеры; иные знавали Троцкого времен острова Принкипо и далее. Их биографии поражают красочностью. Конечно, мы все с младых ногтей усвоили, что революции не делаются в белых перчатках, нам известны подлинные биографии многих деятелей победивших революций — кстати, черты реальных прототипов угадываются и за жизнеописаниями героев романа.

Тарик Али приводит их по «Энциклопедии троцкизма», издание которой якобы было предпринято «особым отделом НКВД, специально учрежденным для борьбы с троцкистами. Первое издание энциклопедии было представлено в ЦК в 1930 году и с тех пор ежегодно обновлялось. В 1987 году все пятьдесят семь томов были преданы гласности и публикация энциклопедии прекратилась, к большому неудобству западноевропейских и американских спецслужб, которые бессовестно пользовались ею для ведения собственных досье».

Один из старых лидеров, Ренар («Лис»), в молодости материально помогал Троцкому деньгами, организовав для этой цели борьбу парижских проституток против сутенеров; он брал с проституток меньше, чем сутенеры, и эффективней защищал их пра-

ва. Старый Лис активен и сейчас, как активны и многие другие из старой гвардии: Дьябло, Нобл; они, в отличие от тех, кто помоложе, способны на большее, чем политическое интриганство, они не разучились подделывать документы и нелегально провозить оружие, не разучились и «грабить награбленное», — частенько друг у друга, как и произошло в период подготовки Конгресса и, разумеется, во имя проведения Конгресса.

Но кто считается с такими вещами, когда дело касается самого главного — партии?

Пробил час — открылся Конгресс, который Эзра Эйнштейн называет про себя Великим советом мирового троцкистского движения. Зал «Мютюалите» заполнен делегатами, готовыми к новым боям друг против друга и нетерпеливо ожидающими начала выработки новой стратегии мировой революции. То, что они услышали, ошеломило даже самых закаленных бойцов.

Эзра Эйнштейн предложил обратиться к совершенно новому оружию в борьбе за дело пролетариата — к религии. Как всегда, его аргументация была безупречно строга и логична.

Какая идеология на протяжении тысячелетий сохраняет себя в любых изменяющихся условиях и оказывает воздействие на миллионы и миллионы людей? Религия. Способна ли религия объединить и поднять на борьбу революционные массы? Да, это с достаточной наглядностью свидетельствует опыт Ирана и Польши. Что нужно делать? Проникнуть в церкви, храмы, мечети, синагоги, овладеть умами верующих и повести их за собой. Каким путем следует действовать? Путем использования марксистских методов вербовки и идейного воспитания, по своей природе весьма близких к тем, которые традиционно использует церковь. Какие тактические цели при этом ставятся? За ближайшее десятилетие движение может выдвинуть из своей среды минимум трех-четырёх кардиналов, нару аяйтолл, десяток-другой раввинов, полностью взять в свои руки менее значительные конфессии — методистскую церковь, например, — и, наконец, посадить троцкиста на Святой престол в Ватикане. Стратегическая цель — установление связи небесного и земного — должна быть достигнута к концу первой четверти XXI века. Слабость марксизма, как и других «измов», вытекающих из него, заключается в недооценке этики, морали и духовности. Это можно и нужно исправить. Лучше пойти этим путем, нежели подвергать движение опасности сотрудничества со сталинскими бюрократами и социал-демократическими шарлатанами, тайными реставраторами капитализма. (Вечером, дома, Майя спросит: а что, если все эти люди и впрямь веруют?)

А пока на трибуну поднялся старый Лис. Зная, что атеистическая вера нуждается в подкреплении высшего авторитета не меньше, чем всякая иная, Лис объявил, что Троцкий провидел возможность использования религии в революционных целях и за два дня до гибели подготовил соответствующий документ, поручив супруге положить кожаный портфельчик с документом в его гроб. Учитывая серьезность ситуации, Лис просил прервать работу Конгресса на

несколько дней, с тем чтобы дать возможность ему с группой товарищей слетать в Мексику, произвести эксгумацию и добыть этот важнейший документ.

— А что, если в гробу нет никакого документа? — спрашивает Эзра, человек щепетильный.

— Я же не сказал, что знаю, есть там документ или нет, — резонно отвечал Лис.

— От результатов твоей поездки зависит судьба движения, — говорит щепетильный человек.

Надо, Федя.

О чудо, в гробу обнаруживается кожаный портфельчик, а в нем рукой Льва Давыдовича — похабное стихотворение, обращенное, похоже, к Сталину. Но это еще не все: Лису является сам Лев Давыдович, желающий узнать, какого черта разрыли его могилу. Плохие времена, оправдывается потрясенный Лис, надо бы явить чудо делегатам Конгресса, укрепить их дух, сплотить ряды.

Но Троцкий и слышать об этом не хочет: «Мы с Ильичем всегда знали, что 17-й год был авантюрой. Без поддержки извне она не могла не провалиться. Нам отчаянно нужна была Германия, а она пошла за Гитлером. Так что начинайте сначала. Можешь передать Конгрессу мои слова: все сначала. Другого пути нет».

К тому времени как Лис возвратился в Париж, делегаты уже едва помнили о его миссии: троцкизм давно превратился в подобие религии и, преодолев начальный шок, а также непродолжительную перепалку между непримиримыми атеистами и столь же непримиримыми материалистами, одинаково убежденными в необходимости поставить религию на службу интересам трудящихся масс, делегаты затеяли яростную баталию. Предмет спора: использовать ли уже существующие конфессии, как предлагал Эзра Эйнштейн, или, по предложению радикалов, сотворить совершенно новую религию. Она могла бы называться христисламасонством, почитать и Христа, и Магомета как пророков древности, учредить культ «народных святых», скажем Гоголя, еще кого-то.

Вопрос ставится на голосование, и предложение Эзры проходит большинством в один голос благодаря тому, что Лис умудряется проголосовать дважды. Радикалы отказываются признать результаты голосования — впрочем, дальнейшее не важно.

Мудрено ли, что после всего этого Эзре приснился Карл Маркс в облике Зевса-громовержца, да еще в окружении Ленина, Троцкого, Каутского, Розы Люксембург. Каутский насмешничает — ну что? Не может быть социализма без демократии! Ленин и Троцкий понуро молчат.

Зато начинает говорить новорожденная Хо, и не просто говорить, но пророчествовать.

«Малышка Хо, — спрашивает Эзра, — что будет с нашим движением? Есть ли будущее у марксистов?»

«Будущее за социал-демократами», — отвечают уста младенца.

Так что же: «Ты победил, Галилеянин!» — по меньшей мере в том, что даже подрывателям Твоих заветов приходится при-

знать, что нет другого пути к человеческим сердцам?

До «Искупления грехов» Тарик Али романов не писал — он автор нескольких публицистических книг, журналист, телекомментатор. Есть, правда, у него две пьесы — в соавторстве с известным английским драматургом Ховардом Брендоном, — обе ставились с большим успехом, но это были скорее политические дискуссии, разнесенные по стереоколонкам, нежели произведения драматургии. И популярность их была злободневная: «Иранские ночи», где действуют слегка подгримированные Сальман Рушди и аятолла Хомейни, были поставлены осенью 1989 года и при всей своей остроте оказалась бледным подражанием тому, что происходило на самом деле. Прошлой осенью было поставлено «Московское золото», и тут уже главные герои без обиняков носили имена: Горбачев, Раиса и Ельцин, кроме того актеры поражали внешним сходством с прототипами. О художественных достоинствах этих пьес и речи быть не может. Не тем они брали.

Это относится и к «Искуплению грехов» — точные наблюдения, мгновенные штриховые зарисовки, свидетельствующие о профессионализме публициста, и журналистика так и захлестывает повествование. Однако прочитывается книга залпом — особенно на нынешнем советском фоне, в переключке с нашими неотвязными мыслями и нескончаемыми перебранками.

По внешним признакам «Искупление грехов» все-таки роман, поэтому правомерен вопрос: что могло побудить Тарика Али обратиться к этому жанру в попытке осмыслить природу левого феномена или, соблюдая современную стилистику, — человеческого фактора левого феномена? Желание раскрыть дополнительными к публицистике средствами психологию людей, которые в наши дни поглощены подготовкой к мировой пролетарской революции? Через них показать неизбежную деградацию тоталитарного мышления на макро- и микроуровнях, сопоставляя зло гитлеровского и сталинского масштаба с нереализованным потенциалом зла, которое несут в себе персонажи романа?

Роман не получился, персонажи схематичны, но взбудораженная книгой мысль подсказывает больше, чем написано автором. На ум приходит полпотовский эксперимент и кровавая каша «Тяньаньмэнь», «городские партизаны» и «идейные» угонщики самолетов из всевозможных «красных бригад», за фарсовыми ситуациями романа зловеще маячит трагедия. Жива проклятая романтика насилия во имя всечеловеческого счастья, беспощадного счастья для всех, кого оно постигнет!

М. САЛГАНИК